

Уильям
Кингстон

морской
авантурный
роман

СРЕДИ ДИКРЕЙ И ПИРАТОВ

Морской авантюрный роман

Уильям Кингстон

Среди дикарей и пиратов

«ВЕЧЕ»

1876

Кингстон У. Г.

Среди дикарей и пиратов / У. Г. Кингстон — «ВЕЧЕ»,
1876 — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4484-7806-2

Молодой Годфрей Рэйнер поступает мичманом на английский военный корвет, который отправляется на поиски испанского судна, грабящего купеческие корабли и торгующего невольниками. Погоня за пиратами оборачивается началом долгой одиссеи, в которой абордажные схватки и кораблекрушения сменяются робинзонадой, полной экзотики и опасных приключений. За 30 лет своей литературной деятельности английский писатель Уильям Генри Джаилз Кингстон (1814–1880) создал более сотни романов, действие которых происходит во всех уголках земного шара.

ISBN 978-5-4484-7806-2

© Кингстон У. Г., 1876

© ВЕЧЕ, 1876

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	25
Глава IV	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Уильям Кингстон

Среди дикарей и пиратов

© ООО «Издательство «Вече», 2009

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава I

Последний день в родном доме. – Поступление мичманом на «Героиню», направляющуюся в Тихий океан. – Приказ остановиться у мыса Коатс-Кастль. – Выслеживание пиратов. – Преследование их вверх по течению. – Нападение на наше судно. – Вести, принесенные Дикки Попо. – Битва с пиратами. – Взятие в плен. – Шхуна взлетает на воздух. – Мы отдаем командиру захваченное судно. – Отправляемся в дальнейший путь.

Наступил последний день моего пребывания в кругу домашних. Мы с Пирсом пошли в нашу комнату и легли в постели. Но спать мы не могли. Нам нужно было многое сказать друг другу – может быть, и сказанное не один раз. Я обещался вести дневник за все время моего первого путешествия и показать ему по возвращении. В свою очередь он согласился также вести дневник, выписки из которого намеревался пересылать мне, чтобы я мог знать обо всем, что произойдет у нас в доме.

Наш отец, мистер Рэйнер, был отставной лейтенант. По выходе в отставку он занялся вместе с дядей Годфреем (в честь которого я был назван Годфреем) коммерческими делами в Бристоле. Он ничего не смыслил в конторских делах, но надеялся принести пользу трудолюбием и внимательным отношением к своим обязанностям. Однако дядя умер прежде, чем отец хорошенько ознакомился с делом. Смерть любимого брата не только сильно опечалила отца, но и поставила его в затруднительное положение. Дела его оказались в плохом состоянии, и иногда он выражал сожаление, что взялся за неподходящее занятие.

Я никогда не выказывал любви к занятиям в конторе. Поэтому, когда старый сослуживец отца, капитан Бресуэлль, только что назначенный командиром военного корвета «Героиня», предложил приятелю взять мичманом одного из его сыновей, отец, к величайшему моему восторгу, позволил мне пойти на морскую службу.

Мой дорожный чемодан с уложенным в нем мундиром и кортиком стоял готовый в углу комнаты. Само собой разумеется, я уже успел показаться в моем новом костюме Пирсу и нашей младшей сестре Эдит. Она, конечно, нашла, что костюм этот очень идет мне. Я сам, как и моя мать, разделял ее мнение и льстил себя надеждой, что и все обитатели нашего дома сходятся с нами в этом отношении.

Мало-помалу голос Пирса становился все тише и неяснее и наконец он уснул. Через некоторое время я тоже собрался последовать его примеру, но вдруг дверь в комнату отворилась. Вошла мать, осторожно, чтобы не разбудить меня. Она наклонилась надо мной; я почувствовал, как слеза скатилась на мою щеку, ощутил на лбу моем нежный поцелуй, приподнялся и обнял ее. Может быть, она думала, что в последний раз в жизни видится со мной наедине.

– Годфрей, дорогой мой мальчик, – проговорила она, – бойся Бога, верно служи Ему и людям. Он навсегда останется твоим верным другом.

– Я исполню все, исполню, – с трудом сказал я.

Сильное биение сердца и душившие меня рыдания мешали мне говорить.

– Тише, – сказала мать, – не то мы разбудим Пирса. Да и тебе надо спать, Годфрей, чтобы подготовиться к путешествию.

Она вышла из комнаты, но я слышал ее дыхание за дверью, где она стояла, пока не убедилась, что я заснул.

На следующее утро вся семья рано поднялась провожать меня. Моя милая сестренка Эдит, хотя и очень гордилась моим мундиром, рыдала так, что сердце у нее, казалось, готово было разорваться. Я сам с трудом сдерживался. Наконец подъехал дилижанс; мы с отцом уселись наверху. Я скоро успокоился. Отец заговорил с соседями, большинство которых оказались моряками. Один из них, в пальто с форменными пуговицами, назвал свою фамилию и напომ-

нил отцу, что он, Питер Медж, служил некогда вместе с ним мичманом. Теперь он направлялся на корвет «Героиня», где служил младшим штурманом.

– Так вы присмотрите за моим мальчиком, Медж? – сказал отец. – Я знаю, что вы сделали бы это и без моей просьбы.

– Конечно, мистер Рэйнер, – ответил Медж. – Сделаю для него все что могу, хотя это и будет немного.

– Вот у тебя уже и есть один друг, Годфрей, благодаря мне, – заметил отец. – Надеюсь, что вскоре ты сам сумеешь приобрести себе друзей.

Поздно вечером мы приехали в Плимут. На следующее утро отец свез меня на корвет и представил капитану и офицерам. Капитан принял меня очень ласково. Отец скоро ушел, и я остался на попечении Меджа. Он спустился со мной в офицерскую каюту и познакомил меня с моими новыми товарищами. Я быстро освоился среди них и решил, что мне будет очень весело. Меня поддержал в этом мнении другой мичман, приблизительно моего возраста, Томми Пекк. Он также в первый раз отправлялся в море. Понятно, мы сейчас же подружились с ним. Томми был веселый, легкомысленный, шаловливый малый, очень нуждавшийся в попечении и советах Меджа.

Подняли паруса; экипаж весело расхаживал по палубе, как вдруг капитану явился посланник из адмиралтейства с приказом отправиться для передачи депеши губернатору на мысе Коатс-Кастль, вместо того чтобы плыть прямо в Тихий океан, как было назначено раньше.

Дул свежий попутный ветер, и мы скоро потеряли землю из виду. В первый раз в жизни я увидел, как на горизонте море сходится с небом. Чувство удовольствия, не лишённого некоторого страха, охватило меня.

На следующий день у нас был первый урок практических упражнений в мореплавании. Под руководством Меджа я старался как можно лучше ознакомиться с моей профессией.

Долго плыли мы при попутном ветре и достигли наконец широты островов Зеленого мыса. Я уже начинал считать все рассказы о бурях и ураганах сказками и думал, что такая чудная погода простоят во все время нашего плаванья.

– Погодите, пока мы обгоним мыс Горн; если не раньше, то там вы познакомитесь с бурей на море, – сказал Медж.

Несмотря на штиль и отсутствие сильных ветров, мы, наконец, добрались до мыса Коатс-Кастль. Перед нами на фоне возвышенности, покрытой темной листвой деревьев, вырисовывался снежной белизной длинный ряд зданий, окруженных укреплениями. Капитан отправился на берег, чтобы передать депешу губернатору. Мы также собирались сойти на берег, но вернувшийся капитан велел сейчас же поднять все паруса и плыть к юго-востоку.

Оказалось, что губернатор узнал о появлении большого судна, по всем вероятностям, принадлежащего пиратам, и велел нашему капитану разыскать его. Целую ночь мы тщательно искали это судно. Говорили, что оно хорошо вооружено и идет под испанским флагом. Пираты захватывали все попадавшиеся им купеческие суда, брали их груз и обменивали на невольников, с которыми возвращались на Кубу.

– Дело выгодное, хотя нельзя сказать, чтобы честное. Надеюсь, что нам удастся захватить судно, пока еще на нем английские товары, – заметил Медж.

На следующий вечер мы увидели какой-то парус по одному направлению с нами. Мы немедленно направились вперед, надеясь задержать пиратов. Они едва ли видели нас, а если и видели, то, наверно, приняли за купеческое судно. Становилось темно, но мы видели ход судна и надеялись догнать его. Так как все были убеждены, что не обойдется без битвы, то мы приготовились к ней; экипаж стал на свои места в ожидании.

Наш корвет продолжал скользить по темным водам; мачты его подымались к небу, словно ночные призраки. Странное чувство охватило меня при мысли, что через несколько минут начнется горячая битва, что мы будем стрелять и кругом раздадутся выстрелы, полетят пули.

– Держите прямо, сэр! – крикнул младший лейтенант. Я поспешно взглянул вперед и увидел высокие мачты и паруса судна такой же величины, если даже не больше, как у «Героини».

– Нужно разузнать хорошенько, прежде чем начинать стрельбу, – заметил командир мистеру Уорзи, лейтенанту. – Если это разбойничье судно, оно принимает нас за купца, так как, вероятно, ему известно, что на стоянке не было военного корабля. Не стреляйте, пока я не дам приказа.

В глубоком молчании мы скользили дальше, приближаясь к темному судну. Теперь мы ясно видели, что оно поджидало нас. Капитан намеревался подойти к незнакомцу с правой стороны так, чтоб он очутился между нами и землей. Мы были уже совсем близко и только что собирались вступить в битву, как вдруг судно резко изменило курс и направилось к берегу. Мы немедленно сделали то же и пошли за ним, стреляя из орудий на носу. Судно было быстрое и быстро шло вперед. Ветер крепчал, мы поставили все паруса; нас кренило так, что пушки ныряли в воду.

– Оно уйдет; мы сломаем мачты, если не примем мер, – сказал Медж.

Капитан, очевидно, разделял его мнение.

– Поднять грот-брамсели и трамсели! – крикнул он. – Живей, ребята!

Матросы бросились исполнять приказание капитана. Все понимали, что нельзя терять ни минуты. Мачты гнулись, как тростники; я так и ждал, что они упадут. Экипаж так занялся своим делом, что не имел времени наблюдать за неприятельским судном, которое сильно обогнало нас и видно было в восточном направлении. Управившись с парусами, мы снова пустились за неприятелем. Глаза всех стоявших на палубе были устремлены на его судно.

– Если оно исчезнет из виду, то направится вниз, вдоль берега, и его трудно будет найти, – заметил Медж.

Мы надеялись, что нам удастся подбить неприятеля, хотя мы могли стрелять только из одной пушки; притом же море было беспокойно и целиться было трудно. Однако неприятель был так сжат между нами и берегом, что на спасение оставалось мало надежды.

Мы продолжали идти таким образом несколько времени; неприятель шел все так же быстро и постепенно исчезал из виду. Вдруг налетел сильный шквал и наш корвет накренился так, что пришлось убавить паруса. Шквал прошел так же быстро, как налетел, но когда мы взглянули вперед, неприятеля уже не было видно.

Наступило утро; ветер спал. Так как неприятеля не было видно в южном направлении, то капитан и мистер Уорзи остались в убеждении, что он продолжает продвигаться к западу. Густой туман скрывал его от нас. Мы снова распустили все паруса. Вдруг часовой на мачте крикнул: «Земля! Земля!» – и вскоре мы увидели покрытые лесом горы Африки, поднимавшиеся над поясом густого тумана, еще расстилавшегося внизу.

– Если неприятель тут, мы скоро увидим его, – заметил Медж. – Надеюсь, что у этих разбойников хватит мужества, чтобы сразиться за жизнь и свободу, хотя шансов на это мало.

Бросили лот; глубина оказалась больше, чем ожидали. Взглянув на карту, капитан убедился, что мы приближаемся к устью какой-то большой реки. Лучи восходящего солнца рассеяли туман. Ветер спал как раз в то время, когда мы приблизились к устью, так что нам пришлось остановиться недалеко от берега. Оттуда река видна была только на небольшом расстоянии; маленький лесистый мыс прикрывал изгиб реки, за которым, может быть, укрывалось неприятельское судно. Капитан приказал старшему лейтенанту спустить шлюпку, чтобы отправиться на поиски неприятеля, а сам намеревался войти в реку, когда подымется ветер. Так как неприятельское судно было большое, хорошо вооруженное, с многочисленным экипажем, капитан не хотел рисковать своими людьми в начале долгого путешествия.

Шлюпка вскоре исчезла за лесом; часовым внизу, в числе которых находился и я, было разрешено прилечь в тени на палубе. Мы не спали всю ночь, и глаза у нас смыкались от уста-

лости. Я сейчас же уснул. Проснувшись часа через два, я узнал, что шлюпка еще не возвращалась, капитан начал уже тревожиться, как вдруг часовой на мачте крикнул: «Видна наша шлюпка, а за ней идет другая лодка».

Через несколько минут мы увидели, как шлюпка огибала лес; экипаж греб изо всех сил. В следующее мгновение показалась другая лодка, гораздо больших размеров. Стоявший на корме человек поднял ружье и выстрелил в шлюпку. Весло выпало из рук одного из матросов; он упал на скамью. Шлюпка продолжала идти вперед. Прежде чем мы успели выстрелить из пушек, большая лодка повернула назад и снова скрылась за мысом. Видя это, капитан сейчас же приказал готовиться другим лодкам для преследования дерзкого незнакомца. Прежде чем шлюпка подошла к кораблю, лодки были уже на воде.

Лейтенант Уорзи доложил капитану, что шлюпка несколько времени подымалась по реке, не видя неприятельского судна, как вдруг экипаж увидел верхушки мачт над лесистым мысом; из-за него вылетела большая лодка. Раздавшиеся с берега выстрелы предупредили лейтенанта о грозившей шлюпке опасности. Он сейчас же повернул обратно. Напасть на большую лодку было бы безумием при малом количестве людей. «Судно необыкновенно быстроходное, так что лодкам его не догнать; мы с трудом ушли от него», – прибавил лейтенант.

Капитан приказал поднять лодки и еще более утвердился в своем решении ввести корабль в реку. По смелости, с которой лодка собиралась захватить шлюпку, легко было можно судить об экипаже, который или считал себя достаточно сильным, чтобы бороться с военным судном, или предполагал, что мы не осмелимся войти в реку.

Между тем шлюпку с раненым подняли на борт. Он еще дышал, когда его снесли вниз и отдали на попечение доктора, который осмотрел его и сказал, что надежды на выздоровление мало. Экипаж грозился отомстить за него и горел желанием подняться по реке и захватить пиратов.

Мы нетерпеливо ожидали ветра с моря. Якорь был поднят, паруса наготове. Но на стеклянной поверхности океана не было видно ни малейшей ряби.

– Во всяком случае они попали в западню, – заметил Медж, – и должны драться.

– Надеюсь, – ответил я. – Мне хочется видеть хорошее, ожесточенное сражение. Какая будет честь, если неприятель сдастся сразу?!

– Запоешь иную песню, когда вокруг тебя засвистят пули, мальчик, – ответил Медж. – А что касается славы, то ее не приобретешь, если возьмешь в плен негодяя, разбойника. Мне хотелось бы, чтобы это судно сразу пошло ко дну и чтобы нам было как можно меньше хлопот с ним.

Часы летели, а ветер все не подымался. Лейтенант Уорзи заметил, что пиратам удастся, если они захотят, укрепиться на берегу и нам придется брать и укрепление, и судно.

– Это не должно останавливать нас, – заметил капитан, – возьмем сначала корабль, а потом и укрепление.

Наконец на воде показалась легкая зыбь и задул с океана свежий, чистый ветерок. Быстро подняли якорь, и корабль поплыл по руслу к верховьям реки. Берега по обеим ее сторонам были покрыты деревьями, образовывавшими непроницаемые стены зелени, мешавшие нам видеть окрестности. Только вдали поднималось несколько высоких гор.

Мы подвигались медленно, так как ветер был слаб и начался отлив. Вскоре ветер совершенно стих, и нам пришлось стать на якорь. С наступлением вечера с суши подул горячий ветер.

– Нисколько не удивлюсь, если пираты попробовали улизнуть от нас, – сказал Медж. – Нужно хорошенько присмотреть, чтобы остановить их, если они попробуют попытаться удрать. Надеюсь, что попробуют: нам будет удобнее напасть на судно на ходу, чем когда оно стоит на якоре, да еще под прикрытием укрепления.

Было еще довольно светло; Питер и я разгуливали по палубе, так как мы были вахтенными. Вообще мы бывали в каюте только во время еды, так как это место не особенно приятно в жарком климате. На реке стояла еще более удушливая жара, чем на берегу. Я взглянул на берег, находившийся очень недалеко от нашего корабля, и увидел какую-то фигуру, двигавшуюся среди деревьев. Я указал на нее Меджу. Незнакомец подошел ближе, и мы увидели чернокожего безо всякой одежды. Он приложил руку ко рту, крикнул что-то и начал усиленно размахивать руками, как будто желая привлечь наше внимание. Медж послал меня к лейтенанту, который сейчас же велел спустить шлюпку и приказал Меджу подплыть к берегу и узнать, что нужно дикарю. Но тот вдруг обернулся, словно услышав или увидев что-то, бросился в реку и поплыл к нашему кораблю. Медж и я вскочили в лодку. Когда мы подплыли к дикарю, я увидел, что как раз перед нами высунулся из воды темный плавник какой-то рыбы, и сказал об этом Меджу.

– Это акула! – вскрикнул он. – И большая... Она, вероятно, поужинает бедным дикарем.

– Если наши голоса не отгонят ее, – ответил я. Ужас охватил меня при мысли, что мне придется видеть гибель человека. – Кричите, все кричите!

Мы с Меджем стали кричать; экипаж вторил нам изо всех сил. Дикарь только теперь заметил акулу и стал плескаться и отбиваться с громким криком. Бедняге угрожала опасность не только с этой стороны; в то же мгновение на берегу появилось несколько людей с ружьями и начали стрелять в него. К счастью, одна из пуль, предназначенных ему или нам, попала в акулу, только что собиравшуюся броситься на чернокожего.

Ранила ли ее пуля или акула испугалась наших криков, только она вдруг повернулась, ударила хвостом по воде и бросилась от дикаря.

Несмотря на пули, мы пошли вперед. Чернокожий был уже совсем близко от лодки, когда я заметил под водой громадное тело чудовища, скользившего с быстротой молнии. Акула только что подняла голову, когда мы сильным взмахом втащили бедняка в лодку. Огорченная акула в порыве мести вцепилась в одно из весел, но только сломала себе зуб.

Без разговоров Медж повернул шлюпку и направился к кораблю. К счастью, никто из нас не был ранен. Неприятель быстро исчез в кустарнике. Как только мы вышли из линии огня, одна из судовых пушек, заряженная картечью, выстрелила в наших преследователей. Они быстро отступили; не знаю, были ли между ними раненые.

Когда шлюпка подошла к кораблю, дикарь вскочил на палубу с ловкостью, показывавшей, что он нисколько не пострадал ни от бега, ни от купания. Он стоял перед нами совершенно нагой. Один старый матрос, находивший, вероятно, что в таком виде неприлично появляться на палубе британского морского корабля, принес ему парусиновые штаны. Дикарь, улыбаясь, надел их, отряхнул воду со своей курчавой головы и с самым спокойным видом подошел туда, где стоял командир с остальными офицерами.

– Я – Дикки Попо, сэр, – заговорил он на ломаном английском языке, – я – британский верноподданный, некогда служил его величеству, но охотники за неграми схватили меня, увезли и продали еще худшим, чем они, негодяям. Они взяли меня на корабль вместе с другими невольниками; а потом еще один негодяй взял нас на «Морского ястреба». Я заметил что-то неладное, когда они поднялись по реке и стали на якорь в мелкой воде. Вот я и задумал убежать на английский корабль. Под этим флагом я в безопасности, – прибавил он, указывая на развивавшееся на флагштоке знамя.

Видя, что Дикки Попо порядочно понимает по-английски, капитан стал подробнее расспрашивать его о неприятельском судне. «Морской ястреб» из Гаваны – такое же большое судно, как наша «Героиня». Матросов на нем столько же, сколько у нас, а пушек на две больше, так что противник оказывался опасный.

Дикки Попо рассказывал, что пираты уже захватили один корабль со ста пятьюдесятью невольниками и теперь подстерегают другой; мы помешали им, и теперь пираты обратились к

капитану захваченного судна и уговорили его помочь им в случае нашего нападения. На берег с обоих кораблей спустили людей и пушки; послали самых сильных невольников, чтобы строить укрепления. Узнав, что в реку вошел наш корвет, Дик воспользовался случаем и бежал с работ, надеясь добраться до нас и сообщить о приготовлениях к нашему приему.

Выражение лица Дики понравилось мне; я сразу поверил в его честность. На военном корабле с ним хорошо обращались; благодаря службе он избавился от рабства. Дикки был искренне благодарен англичанам и хотел на деле доказать свою благодарность.

Капитан не намеревался изменить своего решения.

– Я знаю, что могу вполне положиться на наших молодцов, – сказал он, – они свято исполнят свой долг и будут храбро бороться против наших низких врагов, – заметил он мистеру Уорзи.

– Без сомнения, сэр, – ответил лейтенант, – и надеюсь, что нам нетрудно будет овладеть неприятельским судном, несмотря на батарею на берегу и на помощь рабовладельческого судна.

Вскоре наступила ночь. Командир выразил мнение, что пираты попробуют ускользнуть от нас, несмотря на воздвигнутые укрепления, и выйти в море, пользуясь темнотой. Поэтому было отдано приказание зорко следить за неприятелем, поднять якорь, а часовым лечь внизу на палубе, чтобы быть наготове к отплытию. Выслана была также шлюпка, чтобы сообщить, если неприятель двинется.

Большая часть ночи прошла спокойно; кончалась уже вторая вахта, когда слышались удары весел и шлюпка подошла к кораблю.

– Судно идет вниз по течению и скоро поравняется с нами, – сказал командир шлюпки. – Они надеются проскользнуть незамеченными.

Капитан сейчас же велел поднять паруса, и мы направились на середину реки. Через минуту мы увидели высокие мачты разбойничьего корабля, спускавшегося по течению в нескольких сотнях ярдов от нас. Капитан немедленно отдал приказание начать стрельбу. Неприятель отвечал. Вскоре он поравнялся с нами, а затем мы прошли перед его кормой так близко, что чуть было не потопили его судно, и дали залп. В нас же попало не более двух-трех выстрелов, не причинивших материального убытка.

На палубе неприятельского судна раздались крики и стоны; очевидно, наш огонь произвел там страшный переполох. Мы отошли назад, быстро обошли судно с другой стороны и снова дали залп. Неприятель отвечал слабым огнем; по-видимому, многие из его людей были убиты или ранены. Мы на всех парусах обогнули судно; капитан намеревался круто повернуть к носу корабля и дать новый залп, как вдруг с палубы раздался голос, кричавший на ломаном английском языке:

– Мы сдаемся – мы спускаем флаг, не стреляйте, не стреляйте!

– Бросьте якорь, я не верю вам! – крикнул капитан.

До нас доносились громкие голоса. Очевидно, шел спор на испанском языке. Мы держали курс с подветренной стороны,

– Стой! Брасовать реи! – крикнул громко капитан, чтобы испанцы расслышали его. – Сдавайтесь, не то я начну стрелять.

– Да, да, – ответил чей-то голос.

Сквозь шум, царивший на палубе неприятельского судна, мы расслышали всплеск воды от падающего якоря и звук спускаемого каната. Корабль медленно повернулся по течению. Неприятель оказывался вполне в нашей власти.

Мы убрали паруса, спустили две шлюпки. Командиром одной был мистер Уорзи, другой – Питер Медж. Экипаж был хорошо вооружен. Я отправился в шлюпке лейтенанта.

Без сопротивления мы подошли к неприятельскому кораблю и быстро вошли на палубу. При свете фонарей я увидел картину, никогда не представлявшуюся моему воображению. При

первом же шаге я споткнулся и чуть было не упал. Когда я взглянул под ноги при свете фонаря, то увидел, что стою буквально в крови. Более двадцати трупов неподвижно лежали на палубе; несколько человеческих фигур стояло вокруг мачт или прислонялось к пушкам, перевязывая раны. Одна группа в мрачном безмолвии стояла в отдалении, ожидая нас, тогда как остальной экипаж собрался на передней части палубы. По одежде мы узнали в первой группе офицеров.

– Где капитан корабля? – спросил лейтенант Уорзи.

Один из офицеров показал на лежавший между пушками труп с оторванной рукой.

– Бедняга! – заметил лейтенант. – Ему не придется отвечать за свои прегрешения. А теперь командиром вы?

Офицер наклонил голову и, подойдя ближе, протянул свою шпагу.

– Возьмите его оружие, – сказал лейтенант, оборачиваясь к одному из матросов, – и обезоружьте остальных. Я не возьму шпаги у пирата, он не морской офицер.

Экипаж был скоро обезоружен; по приказанию лейтенанта наши матросы связали руки пиратам. На подмогу подоспел Питер Медж со своими людьми. Мистер Уорзи окликнул нас и попросил прислать докторов, чтобы помочь раненым.

Пока доктора перевязывали раненых, мы собирали трупы. Их оказалось двадцать пять; после осмотра врача мы выбросили их в море.

Нераненых пленных отдали под стражу, а раненых снесли в большую красивую каюту. Однако все не поместились там, и потому некоторых пришлось положить на тюфяках, какие нашлись на верхней палубе, где содержались невольники.

К тому времени, как все эти распоряжения были закончены, уже рассвело. Двадцать отобранных людей остались вместе с помощником врача на неприятельском корабле под командой младшего лейтенанта. Я обрадовался, когда мне приказали вернуться на корвет: все виденное мной потрясло меня до глубины души.

Только что я спустился на палубу, с верховьев реки послышался громкий звук тамтама и рогов и целый флот больших лодок поспешно направился к нам. Казалось почти невозможным, чтобы они решились напасть на английский военный корабль; но по жестам экипажей, по ходу судов, очевидно, таково было их намерение. Вероятно, услышав выстрелы, экипажи лодок, привыкшие считать свое судно самым могущественным в мире, предположили, что оно одержало победу. Увидев, что оно стоит на якоре у нашей кормы, люди перестали было грести, но вскоре ободрились и поплыли дальше; с громкими криками они еще громче били в тамтам, чтобы запугать нас прежде, чем пойти на абордаж.

– Стреляйте через их головы, – сказал командир. – Покажем невеждам-дикарям, что с нами нельзя шутить.

После первого залпа лодки поплыли назад со всей быстротой, с которой мог грести черный экипаж, употреблявший все усилия чтобы сойти с линии огня, и вскоре исчезли в той стороне, откуда появились.

Нам предстояло еще одно дело: взять или уничтожить шхуну с невольниками, о которой говорил Дикки Попо. Так как плавание по реке было очень опасно, то командир, не желая рисковать кораблем, решил послать шлюпки. Три шлюпки были отправлены под начальством мистера Уорзи, с которым отправился и я; на носу капитанского катера была шестифунтовая пушка, остальные суда были вооружены фальконетами. Скоро мы увидели неприятельские лодки, шхуна стояла дальше на якоре.

Одного залпа из нашей пушки было достаточно для того, чтобы все люди поспешно отправились вверх по реке. Попо, взятый с нами, чтобы указать, где находится вражеская батарея, крикнул:

– Вот! вот она!

Едва он успел проговорить эти слова, как пули просвистали над нашими головами. По приказанию лейтенанта мы выскочили на берег и через несколько секунд карабкались на бата-

рею. Испанцы и чернокожие быстро убежали в густые леса. Большинство их спаслось от наших выстрелов, так как лейтенант не позволил матросам преследовать их.

Мы испортили пушки на батарее неприятеля, сели снова в шлюпки и направились к шхуне. Но едва мы отъехали от берега, как заметили густой дым, выходящий из ее люков. Мы думали подплыть к судну, чтобы затушить пожар, но было уже поздно, и лейтенант велел грести обратно. Мачты и палуба судна взлетели на воздух, обломки их падали вокруг нас. Еще несколько минут бушевало пламя, потом корпус шхуны исчез под водой. Не знаю, что случилось с несчастными невольниками...

При попутном ветре мы вернулись с нашей добычей к корвету и вышли к устью реки.

Пользуясь благоприятной погодой, мы без труда вышли в море и вскоре увидели парусное судно, направлявшееся к берегу. То был фрегат командира порта, который узнал о появлении пиратов и отправился навстречу им. Он наговорил любезностей нашему командиру и, к великому нашему удовольствию, избавил нас и от наших пленных, и от нашей добычи, отдав нам приказание продолжать наш путь к западу.

Дикки Попо остался у нас и сделался общим любимцем как офицеров, так и солдат.

Только впоследствии узнал я о судьбе «Морского ястреба» и оставшегося в живых его экипажа.

Глава II

Мы обходим мыс Горн. – Буря. – Попадаем в порт в Патагонии. – Посещение китоловного судна. – Романтическая история. – Потерянное дитя. – Молодая барышня. – Удобная пристань. – Мы поднимаемся на гору. – Избавление от опасности. – Вальпарайзо. – Коралловый остров. – Сношения с туземцами. – Увеличение нашего экипажа. – Дикки Попо за бортом. – Сандвичевы острова. – Мои товарищи по кораблю. – Осматриваем остров. – Находим Попо и белого мальчика. – Как был спасен Попо. – Сведения о белом мальчике Гарри.

Думал ли я полгода тому назад, сидя за письменным столом в конторе моего отца, что увижу мыс Горн? А теперь он подымался перед нами – мрачный, одинокий и величественный – высоко из океана, громадные волны которого разбивались у его подножия.

Мы плыли на всех парусах к западу, то поднимаясь на вершину стекловидной волны, то опускаясь в глубокую долину, то поднимаясь на водяную лестницу с противоположной стороны. Мы останавливались в Рио, чтобы забрать дров, воды и свежей провизии. Не стану описывать эту великолепную гавань, так как там не случилось с нами ничего необыкновенного.

– Что за чудный вид! – сказал я, стоя на палубе и смотря на скрывавшийся из виду громадный материк.

– Много еще увидите красивых видов, – заметил Питер Медж, не отличавшийся поэтичностью. – Что касается меня, то я всегда бываю рад, когда вижу в последний раз это место и благополучно выбираюсь в Тихий океан. Два раза нас приносило обратно сюда и носило между ледяными горами в продолжение больше шести недель при таком резком ветре, что отмерзали носы. Надеюсь, что этого не случится теперь с нами.

– Надеюсь, – ответил я. – Я думал, что мы скоро очутимся в тихих водах, озаряемых солнцем.

– Может быть, юноша, будем надеяться на лучшее, – сказал Медж. – Но когда перенесешь столько, сколько я перенес, то считаешь себя в безопасности, только когда находишься в гавани.

Однако на этот раз нам с Меджем не пришлось испытать разочарования, и вскоре мы плыли по водам Тихого океана. Мы направлялись к северу, держались к берегу ближе чем обыкновенно, пока не достигли 46 градусов южной широты. Тут наступил мертвый штиль. Мы только что увидели вдаль парус. К востоку, в сорока или пятидесяти милях расстояния, возвышались величественные вершины Кордильеров, покрытые вечными снегами, или, вернее, южный конец той могучей цепи, которая, поднимаясь с Панамского перешейка, тянется вдоль всего континента.

Целыми днями мы стояли, причем мачты покачивались из стороны в сторону так, как будто хотели выскочить с корвета. Командиру хотелось поговорить с незнакомым судном. Может быть, оно пришло из Англии и может сообщить нам какие-нибудь новые известия. Он приказал приготовить шлюпку и отправить ее. Взглянув на барометр, капитан заметил, что давление падает. Гряда туч подымалась на северо-западе.

– Держитесь хорошенько, – сказал капитан, – буря может налететь прежде, чем вы успеете вернуться.

Бури не пришлось долго ждать, и через полчаса мы летели, кренясь от северо-западного ветра так, что вода заливала палубу с левой стороны.

Командир шлюпки, ранее бывавший на этом берегу, посоветовал войти в залив Пенас, где мы могли бы укрыться с подветренной стороны какого-нибудь острова или в какой-нибудь удобной гавани. Поэтому мы повернули нос нашей шлюпки к северо-западу. Замеченное нами парусное судно шло в том же направлении, вероятно с тем же намерением.

Медж был очень доволен, что мы решили идти по этому пути.

– Иначе нас могло бы унести обратно в Атлантический океан, – заметил он. – Но не всякий капитан решился бы идти, как мы, прямо к берегу. Нужно смотреть во все глаза и все время бросать лот, не то корабль может налететь на берег. Но, вероятно, то судно знает путь; мы пойдем за ним и будем надеяться, что без труда найдем убежище.

Мы быстро догнали незнакомое судно и по его строению убедились, что это китоловное судно, плавающее в южном море и, следовательно, хорошо знакомое с берегами. Перед нами тянулась от материка длинная цепь островов. Мало-помалу вырисовывались очертания отдельных величественных остроконачных вершин. Незнакомое судно продолжало идти вперед; следуя за ним, мы очутились, наконец, в большой бухте, совершенно защищенной от бури. Командир, считая благоразумным не идти дальше, приказал убрать паруса и приблизиться к китоловному судну, которое только что бросило якорь.

Мне никогда еще не приходилось видеть такой дикой местности: выходившие из моря темные утесы окаймляли берег; со всех сторон поднимались к небу мрачные горы; не было и следа человеческих существ. Осматривая в бинокли берег, мы заметили почти прямо перед нами глубокую выемку, похожую на заливчик или бухту. Нам хотелось исследовать ее, и мы надеялись получить разрешение на следующий день.

Вскоре после того как убрали паруса, командир приказал Питеру Меджу отправиться в четверке на китоловное судно и попросить у капитана каких-нибудь последних газет, которые найдутся у него.

– Да, можете ехать, Рэйнер, – сказал он мне. – А вы, мистер Медж, возьмите для капитана баранью ногу, которую вам положит буфетчик, и апельсинов, привезенных нами из Рио.

Вскоре мы очутились на палубе китоловного судна. Владелец судна, серьезный, средних лет, в длиннополом сюртуке и шляпе с широкими полями, непохожий по виду на моряка, принял нас очень вежливо и поблагодарил за подарок, который особенно будет приятен его жене, болезненной женщине. Он провел нас к ней в каюту. Это была милая, привлекательная женщина. Печальное выражение ее лица поразило меня. Капитан подал нам связку английских газет, вышедших после нашего отъезда. Мы очень обрадовались им.

– Оставайтесь поужинать с нами, джентльмены, – сказал он, – сейчас подадут. Только боюсь, что я не могу предложить вам лучшего стола, чем ваш.

Медж ответил, что ему это совершенно безразлично и он рад отужинать с капитаном.

Мы сошли в каюту, а экипаж судна стал угощать наших людей.

Только что сели за стол, дверь каюты отворилась и вошла молодая девушка. Она скорее походила на фею, на ангела или на какое-нибудь небесное – во всяком случае не земное – существо. Так показалось мне в ту минуту. Медж и я встали и поклонились, она ответила нам улыбкой и легким наклоном головы. Хозяин не представил нас и вообще ничего не сказал о ней. Я сначала подумал, что это дочь капитана, но она не называла миссис Гудсон матерью и из некоторых замечаний молодой девушки я усомнился, что она дочь хозяйки. Она без малейшего стеснения сразу вступила в разговор; мне показалось, что она поддерживает его не для того, чтобы занимать нас, а для того, чтобы развлечь миссис Гудсон.

Ужин был непродолжителен, так что разговаривать пришлось немного. Голос молодой девушки показался мне очень нежным и мелодичным, а сама она совершеннейшим существом в мире. Конечно, не следует забывать, что я был только мичманом, мало что выдавшим и уже почти год назад покинувшим Англию.

Наконец Медж вынул часы и заметил, что нам пора возвращаться на корвет. Он встал и сердечно простился с миссис Гудсон и молодой девушкой. Мне оставалось только последовать его примеру. Слезы выступили на глазах миссис Гудсон, когда она взяла меня за руку и прошептала:

– Да сохранит вас Бог от опасности в море. – Барышня очень мило улыбнулась, и мне захотелось еще раз побывать тут.

Шкипер проводил меня на палубу. Хозяин судна разговаривал с Меджем. Я отошел несколько в сторону, чтобы позвать наших матросов.

– У миссис Гудсон очень печальный вид, – заметил я шкиперу.

– Есть от чего, – ответил он. – Она никак не может оправиться после потери своего единственного сына несколько лет тому назад в этих морях. Грустное это было дело. Мальчик был такой славный, любимец всего экипажа. Однажды капитан со мной и с одним из моих помощников отправились на охоту за китом. Наша охота затянулась: кита убить было очень трудно. Когда мы вернулись, уже давно стемнело. Погода изменилась; дул сильный ветер, и море волновалось.

Мы нашли миссис Гудсон в полном отчаянии: ее сын пропал. Она лежала больная в каюте и ничего не знала. Когда мальчика хватились, его не оказалось на корабле. От оставшихся на борту узнали, что вскоре после нашего отъезда заметили другого кита, показавшегося на противоположной стороне. Спустили вторую шлюпку, в которую сел мой младший помощник. Один юнга признался, что видел маленького Гарри на руках помощника шкипера перед отправлением шлюпки, но его позвали вниз и он не мог сказать, что случилось с мальчиком. Мы сейчас же отправились в том направлении, куда поплыла шлюпка, зажгли фонари и стреляли из ружей. Погода становилась все хуже и хуже и шлюпке грозила немалая опасность.

Всю ночь мы проплавали, но не видели и признака шлюпки. Наутро мы продолжали поиски, но безуспешно. К полудню погода улучшилась, однако наш капитан не посылал шлюпок на охоту на кита и ни у кого из нас не хватило духа настаивать.

Большую часть недели мы провели в поисках шлюпки; наконец экипаж стал ворчать, и я счел своим долгом уговорить капитана отказаться от напрасных розысков и продолжать путь. Он согласился скрепя сердце. Бедная жена его медленно поправлялась. До сих пор они не напали на след своего ребенка. Вероятно, по неопытности помощника штурмана киту удалось разбить шлюпку или утащить ее.

– Очень печальная история, – заметил я. – Меня несколько не удивляет грусть бедной миссис Гудсон. Но кто эта молодая девушка?

– Вот чего я не могу сказать вам, – ответил шкипер. – Она появилась у нас вечером накануне нашего отъезда; никто не слышал о ней раньше; ни хозяин, ни миссис Гудсон не сочли нужным объяснять нам, кто она. Сама же барышня хотя охотно болтает со мной за столом, почти ни с кем не разговаривает на палубе.

– Как романтично! – невольно проговорил я, более чем когда-либо заинтересованный молодой девушкой.

Мы простились с капитаном Гудсоном и отчалили. Отплыв несколько, мы увидели молодую девушку. Она стояла на корме и смотрела вслед нам. Я снял фуражку; в ответ она махнула мне платком.

Рассказы о ней и о жене капитана возбудили общее любопытство.

На следующее утро буря продолжалась, и несколько человек решили сойти на берег. То были младший лейтенант, штурман, Питер Медж, Томми Пекк и я. Мы стали грести к замеченной мною бухте, которая оказалась гораздо дальше, чем я думал. Наконец мы вошли в узкий проход между утесами, совершенно лишенными деревьев. Но мало-помалу проход расширился, и мы очутились в большом бассейне, берега которого были покрыты роскошной растительностью. Среди деревьев, росших на склонах гор, выглядывали темные голые скалы; вдали над ними возвышались остроконечные вершины, покрытые блестящим снегом. Вода в этом месте была так глубока, что самое большое судно могло бы стать на якорь и быть в безопасности в то время, как в океане бушевала самая сильная буря.

Мы пробовали сойти на берег, чтобы подняться на гору, но это оказалось невозможным. Человеческая нога, по-видимому, не бывала еще в этих лесах. Не слышно было щебетания птиц, не видно никакого признака жизни. Кругом царило безмолвие и уединение. Вся почва

была устлала полусгнившими стволами, покрытыми мохом и папоротниками, среди которых гордо поднимались зеленые, цветущие деревья.

– Не будем останавливаться! – крикнул штурман. – Как-нибудь да проберемся через лес! – и нос шлюпки уткнулся в мягкий берег. – За мной! – прибавил он, спрыгивая на пень. – Ну вот и отлично! Теперь делайте то, что я буду делать. – Но в следующее мгновение он упал и скрылся из виду.

Мы вытащили его за ноги; голова и плечи его ушли глубоко в сырой мох. Его синий костюм превратился в зеленый – как раз подходивший к лесу, в котором ему хотелось побродить. Нисколько не смущенный, он пошел дальше, то и дело проваливаясь. Томми пошел за ним, но чуть было не захлебнулся в болоте, и мы с трудом вытащили его. Штурман принужден был вернуться, ворча на нашу трусость.

Мы снова сели в шлюпку и отправились отыскивать места, где можно было бы подняться на гору. У истока бассейна мы увидели втекающую в него речку, по ней мы добрались до каменистой гряды, по которой прежде пролегал путь потока. Дальше идти было нельзя, так как в некотором отдалении виднелся водопад, поэтому мы пристали к гряде и попробовали взобраться на гору. Идти пришлось по такой же почве, как в первой местности, только полоса мыса, отделявшая нас от каменистого склона горы, была гораздо уже, и потому мы решили подниматься здесь.

Мы поднимались все выше и выше, цепляясь за корни и ветви деревьев, которые становились все мельче. Мы вышли из лесу, прошли по покрытому мохом пространству и наконец очутились на талом снегу, который становился все крепче и плотнее по мере того, как мы подымались вверх. Глазам нашим было больно от ярких лучей солнца, падавших на снег, – в особенности после мрака, царившего в лесу. Несколько времени мы шли почти по ровному пространству, затем поднялись и спустились в неглубокую долину, с другой стороны которой подымался, как нам показалось, небольшой склон горы. Добравшись до вершины, мы надеялись полюбоваться великолепным видом на море с одной стороны и в глубь страны – с другой.

Измученные, задыхающиеся, с головной болью, добрались мы до вершины, где встретила нас снежная метель, скрывшая все от наших глаз. Оставаться – значило погибнуть, и мы начали спускаться. Наши следы были занесены, и мы вскоре убедились, что сбились с пути. Я шел несколько вперед и вдруг увидел небольшой склон, покрытый снегом. Я вообразил, что легко будет скатиться по нему до долины, и привел свое намерение в исполнение.

– Очень приятно и легко! – крикнул я товарищам. – Спускайтесь и вы.

Я спустился на несколько ярдов. Погода разъяснилась, и я вдруг увидел перед собой перпендикулярный утес на другой стороне глубокой пропасти, в которую я, по-видимому, катился. Если бы я не остановился, то разбился бы насмерть. Я запустил в снег руки и ноги, но все продолжал катиться. Я услышал какое-то восклицание и, взглянув вверх, увидел Томми. С веселым смехом он катился вниз, не подозревая о грозившей ему опасности. Я крикнул, чтобы он остановился; он не понял моих слов. Я катился все ниже и ниже; передо мной не было видно ни дерева, ни камня, за который можно было бы уцепиться. Пропасть была уже ярдах в пятидесяти. Отчаянным усилием я утоптал снег и остановился на каком-то камне. Томми продолжал спускаться, за ним еще некоторые из нашей партии. Когда Томми летел мимо меня, я схватил его за ногу и остановил.

– Зачем ты это сделал? – крикнул он еще не сознавая, что находится на краю пропасти. Поняв, наконец, в чем дело, он стал кричать вместе со мной, указывая нашим спутникам налево, где склон был не так крут. Мы подползли к ним на четвереньках, и все, двигаясь с большой осторожностью, наконец добрались до каменистой гряды, откуда спустились в долину.

Опасность миновала, но мы страшно утомились, пока вернулись на шлюпку.

Мы собирались навестить капитана Гудсона, но было уже поздно и нам нужно было возвратиться на корвет. Я был очень огорчен: мне так хотелось повидать молодую девушку, наруж-

ность которой сильно поразила меня. Я утешился тем, что решил отправиться на следующий день.

Ночью буря улеглась. Наутро, когда я вышел на палубу, я увидел, что китобойное судно под парусами уже вышло из гавани. Мы пошли было за ним, но не могли приблизиться настолько, чтобы вступить в переговоры. Через несколько времени мы снялись с якоря и продолжали наш путь на север.

Я часто вспоминал прекрасную молодую девушку. Мы с Меджем говорили иногда о жене капитана; он сочувствовал ее горю.

Вершины Кордильеров снова показались перед нами на расстоянии ста пятидесяти миль – задолго до того, как стали видны подножия этих величественных гор. Одна из них – Аконкауа – возвышается на 23 000 футов над поверхностью океана. Мы приставали в Вальпарайзо. Эта местность, может быть, является раем для мух, но не для людей с развитым вкусом. Климат, без сомнения, хороший, но местность бесплодна и однообразна; вся растительность на горах состоит из полузасохших кактусов, хотя в долинах и на равнинах слева от города видны фруктовые деревья и цветущие кустарники. На трех горах разбросаны белые домики.

Однажды – по отплытии из Вальпарайзо – я услышал крик:

– Земля!

Я взглянул вперед, но не заметил ничего похожего на землю.

– Мы увидим скоро с палубы, если будем внимательны, – заметил Медж.

Наш корвет то поднимался, то опускался на волнах океана; когда он поднялся, я увидел нечто, напоминавшее флотилию судов, стоящих на якоре. В следующее мгновение суда эти исчезли; когда я снова увидел то, что казалось мачтами, я убедился, что это были высокие кокосовые деревья, или панданусы. Когда мы приблизились, то увидели белый отлогий берег; над ним возвышалась узкая полоса земли, окружавшая тихую лагуну красивого синего цвета; а с наружной стороны этой полосы прилив разбивался о землю со страшной силой. Высшая точка берега поднималась на 10–12 футов над уровнем моря. Мы рассчитали, что полоса земли между морем и лагуной была шириной около 700 футов. Почва здесь состояла из остатков кораллов и растительных веществ. Кроме пальм было только несколько небольших кустов. Весь остров был около восьми миль длины и от полутора до двух миль ширины.

– Не особенное удовольствие плыть по морю, покрытому такими островами, – невольно заметил я. – Если не смотреть во все глаза, то можно наскочить на них.

– Да, вы правы, мой мальчик, – ответил Медж. – А так как коралловые острова тянутся на добрые две тысячи миль, то счастливы мы будем, если наш киль не познакомится с некоторыми из них, когда командиру вздумается идти среди этих островов.

Корвет подошел к подветренной стороне острова; спустили шлюпку. Старший лейтенант, Медж и я были отправлены на землю, чтобы попробовать завязать сношения с туземцами. Мы взяли с собой бусы, маленькие зеркальца и другие безделушки, захваченные с родины, чтобы обменяться ими с туземцами или подарить им для приобретения их симпатий. При нашем приближении показалось множество местных жителей, вооруженных длинными копьями и дубинами, они грозно размахивали оружием, как будто желая помешать нам высадиться на берег. Мы взяли с собой Дикки Попо в расчете, что, увидя с нами человека более темной кожи, чем мы, они больше доверятся нам, хотя мы не думали, чтобы он мог понять их язык.

Так как туземцы продолжали угрожать нам, лейтенант показал им нитку бус и другие мелочи. Избегая риска натолкнуться на коралловый берег, мы осторожно подъехали возможно ближе. Лейтенант бросил на берег свои товары. Дикари набросились на них; но, по-видимому, они сомневались в наших дружеских намерениях и продолжали отмахиваться от нас, крича самым неистовым образом. Однако они не бросали в нас копьями и не обнаруживали враждебных намерений; мы оставались на недалеком расстоянии от берега в надежде, что подарки приведут их в лучшее настроение духа.

Что мы ни делали, чтобы приобрести доверие дикарей, но как только мы подплывали несколько ближе, они снова начинали жестикулировать, видимо не желая допустить нас высадиться на берег.

Вдали виднелась еще группа людей, с видимым интересом следившая за нами. Они удерживали какого-то человека, который употреблял все усилия, чтобы вырваться из их рук. По цвету кожи, по костюму – или, вернее, по отсутствию костюма – он мало отличался от остальных. Поэтому мы решили, что это сумасшедший; впрочем, может быть, была и какая-нибудь другая причина, по которой его не хотели допустить к нам. Так как командир отдал приказание ни в каком случае не сходить на берег против желания туземцев, то лейтенант, считая, что мы не добьемся толку, повернул шлюпку. Мы отплыли от берега, как вдруг человек, которого мы видели раньше, вырвался из рук державших его людей, бросился в воду и быстро поплыл к нам. Вдогонку полетело несколько стрел. Мистер Уорзи снова повернул шлюпку, чтобы вытащить из воды незнакомца.

– Рад, что я среди вас, – к великому нашему удивлению, сказал он на порядочном английском языке, влезая в шлюпку.

– Кто вы, друг мой? – спросил мистер Уорзи.

– Я – Канака, – ответил он; по этому ответу мы поняли, что он житель Сандвичевых островов.

Когда мы вернулись на корвет, незнакомец рассказал нам, что служил на корабле; во время кораблекрушения он упал с борта, и так как никто не пытался спасти его, то он плавал всю ночь; на следующее утро ему удалось добраться до острова, что мог сделать только житель Сандвичевых островов. К счастью, туземцы увидели его только тогда, когда силы вернулись к нему. Он смело явился к ним и так, как они могли понять его, сумел внушить доверие; в противном случае, как он думал, они немедленно убили бы его. Дикари относились к нему с уважением, потому что он знал многое, неизвестное им, и так как он и научил их многому, то они не хотели отпустить его.

– Глупые дикари, – заметил он со взглядом, полным презрения. Но, за исключением того, что он говорил немного по-английски, мы не думали, чтобы он был значительно выше их по степени цивилизации.

Лейтенант спросил, какого рода был корабль, с борта которого его смыло в воду. Канака покачал головой и, выразив презрение на лице, ответил:

– Нехорошего.

Расспрашивая дикаря, лейтенант пришел к заключению, что этот корабль принадлежал или пиратам, или экипажу, занимавшемуся похищением туземцев, которых увозили в Перу для работы на копях. О таких кораблях мы слышали в Вальпарайзо. Канака служил несколько времени на китобойном судне; тут он и подучился английскому языку. Он дезертировал в одной из гаваней Перу и поступил на корабль, который направлялся к его родному острову.

Его звали Тамаку. Он скоро подружился с Дикки Попо, и оба они были чрезвычайно полезны нам. Тамаку мог оказать нам большую услугу как переводчик в Полинезии; язык жителей Сандвичевых островов мало отличается от наречий других темнокожих племен, обитающих на многочисленных островах Полинезии. Поэтому жителей Сандвичевых островов понимают всюду.

Веселый, услужливый Тамаку скоро стал любимцем всего экипажа. Мы надеялись, что он останется у нас и после того, как мы побываем на Сандвичевых островах.

Мы были очень рады, когда выбрались из Нижнего архипелага, где нам угрожала постоянная опасность наткнуться на бесчисленные подводные коралловые рифы. Приходилось также наблюдать за появлением судов вроде того, на котором служил Тамаку. Нашему командиру очень хотелось поймать подобное судно.

Однажды ночью, когда тучи заволокли небо и мы шли при очень сильном ветре, вдруг раздались крики: «Земля! Земля с правой стороны!» А затем раздался другой крик: «Земля впереди!» Неизвестно было, на какой риф мы могли налететь.

– Брасопить реи! Все наверх!

Корвет кренило так сильно, что нужно было немедленно убавить паруса. Вдруг раздался сильный удар. Грот-мачта погнулась, и нижний конец паруса хлестал со страшной силой.

В то же мгновение до моего слуха донесся отчаянный крик и вслед за ним голос с кормы крикнул:

– Человек за бортом!

Увы! Никто из нас не мог помочь тонувшему: все наши усилия были направлены к тому, чтобы обогнуть землю. Один из моих товарищей, Томми Пекк, бросил ему спасательный пояс.

Наступило несколько минут тревожного ожидания. Корвет пробивал себе путь в темном море, которое разбивалось массой пены у каменистого берега с подветренной стороны.

Наконец постепенно показался открытый океан, но командир не решался изменить курс, не зная, как далеко тянется риф. Поставили парус, но корвет, несшийся по бушующим волнам, не мог еще справиться с бурей, и я каждое мгновение ожидал, что он опрокинется. Вода вливалась через люки и затопляла палубу. С величайшим облегчением услышал я приказание повернуть руль налево и поставить реи поперек корабля.

И снова мы летели под ветром, оставив за собой мрачную землю. Океан, казалось, внезапно успокоился, так быстро мы могли подвигаться по его поверхности.

Все стремились узнать, кто упал за борт. Сделали перекличку. Отвечали все, пока очередь не дошла до Дикки Попо. Очевидно, он был тот несчастный, который погиб в волнах. Тамаку громко застонал от горя.

– О, Попо! Попо! Зачем ты упал с борта? – кричал он. – Ты не плаваешь, как Канака, не то добрался бы до берега. А теперь ты на дне моря.

Грустно было думать, что мы не могли помочь бедняге, когда он упал. Теперь было уже поздно разыскивать его, и Тамаку был прав, говоря, что он уже давно погиб.

Наконец мы добрались до Сандвичевых островов и стали на якорь на высоте Гонолулу, на острове Оагу. Острова эти были описаны так часто, что я не пробовал описывать их; скажу только, что их одиннадцать и самый большой – Гавайи, в 88 миль длины и в 68 ширины. На нем две величественные горы, каждая больше 13 тысяч футов в высоту, – Мауна Неа и Мауна Лоа. Последняя постоянно выбрасывает огонь и распространяет громадную тень над океаном.

Покинув Гонолулу, мы стали на якорь в бухте Кеплакеакуа, известной тем, что здесь погиб капитан Кук. При входе в бухту мы увидели вдали грозную вершину Мауна Лоа. Все вокруг носило ясный отпечаток вулканического происхождения почвы; отдельные утесы поднимаются вокруг бухты, на северной стороне которой каменная гряда представляет собой очень удобное место для пристани. Тут был убит капитан Кук, когда пробовал пробраться к своей шлюпке. В нескольких ярдах от воды стоит кокосовое дерево, у подножия которого, как говорят, он испустил дух. «Имогена» увезла верхушку дерева, а ее капитан прикрепил к его стволу медную доску, нижняя часть которой была сильно просмолена, чтобы сохранить ее от действия воды. На доске крест и надпись: «Вблизи этого места пал капитан Джеймс Кук, знаменитый кругосветный мореплаватель, открывший эти острова, 1778 года от Р. Х.»

Тамаку позволили оставаться на берегу во все время нашего пребывания у острова. Он добровольно явился к нам и выразил готовность остаться на корвете.

Мы снова направились к югу. Командир должен был посетить архипелаги западной части Тихого океана, но он хотел сначала осмотреть остров, на который мы чуть было не налетели во время бури.

Между прочим, до сих пор я очень мало говорил о моих товарищах по службе, за исключением мистера Уорзи, Питера Меджа (ментора моего, как, впрочем, и всей молодежи) и моего

приятеля Томми Пекка. Был у меня еще один товарищ – Альфред Стэнфорд, чрезвычайно приличный, симпатичный молодой человек. Кроме них за столом у нас обедали врач, помощник штурмана и клерки капитана и судового комиссара. Среди матросов моим главным другом был старый Дик Тилльярд, к которому я обращался за всеми сведениями по морскому делу и всегда получал их. Всю свою жизнь он провел на море и едва ли пробыл когда-нибудь целый месяц сплошь на суше. По-своему он был философ, и философия его была самая хорошая, потому что опиралась на безусловную веру в Провидение. Если случалось что-нибудь неладное, он неизменно говорил: «Это наша ошибка, а не Того, Кто правит нами; веруйте в Него, молодцы, веруйте, и Он уладит все».

О младшем лейтенанте, штурмане, враче, судовом комиссаре я мало что могу сказать. Насколько я знаю, это были люди, не отличавшиеся особым умом, но почтенные и очень дружные. В общем наш корвет можно было считать счастливым в этом отношении.

Нельзя обойти вниманием нашего лоцмана, довольно важную личность на корабле. По крайней мере так думал мистер Флетчер Ялопп. Он любил, чтобы его называли этим полным именем, что мы, младшие, всегда и делали, когда нам бывало нужно что-нибудь от него. Командир и офицеры звали его просто «мистер Ялопп». Если же кто-нибудь из матросов называл его «мистер Ялопп», то он неизменно замечал:

– Меня зовут мистер Флетчер Ялопп, запомни хорошенько; прошу всегда звать меня как следует, не то твоя спина познакомится с кнутом.

Однажды он поведал мне, в чем дело:

– Видите ли, мистер Рэйнер, я рассчитываю получить со временем наследство. Мне приятно, чтобы меня звали «мистер Флетчер Ялопп». Когда я бываю не в духе, я подбодряю себя мыслью, что Флетчер Ялопп, эсквайр, должен быть достоин своего положения в рядах знати. Может быть, я буду еще и членом парламента, говорю я себе и успокаиваюсь. По правде сказать (только не рассказывайте, мистер Рэйнер), я могу стать баронетом. Я с дрожью проглядываю всякую газету: не получил ли звание баронета тот, чьим наследником я состою.

Я спросил мичмана, на чем основаны его надежды.

– Это секрет, мистер Рэйнер, – ответил он. – Но я уверен, что вы не усомнитесь в моих словах, и пока этого достаточно. Пожалуйста, не говорите никому из ваших товарищей о том, что я рассказал вам. Они не поймут моих чувств так, как понимаете вы.

Оказалось, однако, что мистер Ялопп рассказал то же, все по секрету, Томми Пекку. Мы с Томми пришли к заключению, что лоцман страдает навязчивой идеей, но согласились, что раз эта идея безвредна и доставляет ему удовольствие, то нам следует оставить его в покое. Моряк и лоцман он был отличный, хотя очень строг с юнгами и матросами. Широкоплечий, высокий, с громадными черными усами, с орлиным взглядом, загорелым, обветренным лицом, он на вид был лишен всякой романтичности, но сердце у него было самое нежное.

Ничего важного не случилось, пока мы не двинулись от острова, на который чуть было не налетели раньше. Мы стали на якорь в большой бухте, защищенной высоким мысом с одной стороны и рифом – с другой. Капитану захотелось осмотреть остров; погода была хорошая, и он велел приготовить гичку; к великому моему удовольствию, в числе других он велел приготовиться и мне. Мы взяли с собой провизии на день, так как рассчитывали вернуться только поздно вечером.

Старший лейтенант и штурман исследовали бухту и ближайший берег, а мы отправились на противоположную сторону острова. До сих пор мы еще не встречали туземцев, но так как на берегу росли кокосовые деревья, мы решили, что на нем есть обитаемые места. В центре острова была довольно высокая гора, по-видимому, вулканического происхождения, хотя из нее не показывалось ни огня, ни дыма.

Мы гребли около трех-четырех часов, держась вдали от острова, чтобы не налететь на окружавшие его рифы, и только что обогнули косу, как увидели прямо перед собой, вблизи от

берега, маленькую лодку с развевавшимся на носу флагом. Командир велел матросам налечь на весла; он боялся, что туземцы, увидя нас, могут уйти, а ему хотелось добыть от них какие-нибудь сведения с помощью Тамаку, взятого с нами переводчиком. В лодке, стоявшей на якоре, казалось, никого не было, но когда мы подплыли ближе, показалась голова человека, по-видимому, только что заметившего наше приближение. Он с удивлением, молча, не подымая тревоги, смотрел на нашу гичку.

– У него удивительно белая кожа для туземца, – заметил капитан. – Я уверен, что это европеец.

Мальчик, очень юный с виду, поднял что-то со дна лодки и, когда мы приблизились, с умоляющим видом встал на колени и протянул руку по направлению к нам. Командир, не желая пугать мальчика, велел дать задний ход и, спокойно подплыв, встал и нагнулся, чтобы рассмотреть предмет, который держал мальчик. Как раз в эту минуту с наружной стороны носа лодки поднялась другая голова, черная как смола, и я увидел изумленное лицо Дикки Попо; его белые зубы ярко сверкали из растянутого до ушей рта.

– О, капитан – и вы, масса Рэйнер, – откуда вы явились? – вскрикнул он, опираясь локтями на борт лодки, чтобы взобраться в нее.

Капитан был так заинтересован видом белого мальчика (даже прекрасный жемчуг в руке мальчика меньше заинтересовал капитана), что не сразу узнал Попо.

– Кто ты и откуда явился? – спросил командир.

Мальчик только покачал головой, как будто не понимая его слов, и продолжал протягивать руку с жемчугом.

– Он не говорит по-английски, – сказал Попо на своем ломаном английском языке.

– А, Дикки Попо, – крикнул командир, – ты здесь, малый!

Я с восторгом пожал руку Попо.

– Да, масса капитан, я не утонул, – ответил Попо.

– Очевидно, – заметил капитан. – Мне очень хочется узнать, как тебе удалось спастись. Но прежде всего мне хочется успокоить бедного мальчика. Скажи ему, что мы друзья и не сделаем ему ничего дурного; он не понимает моих слов.

Попо больше жестами, чем словами, быстро успокоил мальчика.

– Кто он? – спросил командир. – Цвет кожи у него такой же белый, как у нас, и мне не верится, чтобы это был туземец.

– Он не говорит, кто он, – ответил Попо. – Может быть, потом разговорится.

– Ну, будем ждать, – сказал командир. – Спроси его, согласен ли он отправиться с нами; если согласен, мы возьмем тебя и его в гичку, а лодку привяжем к корме.

После нескольких жестов и непонятных нам слов, которыми обменялись Попо и белый мальчик, оба сели в гичку. Мальчик снова протянул жемчуг капитану, который в этот раз взял жемчуг, рассмотрел его и положил в карман. Лодку привязали к гичке, и мы продолжали плавание вокруг острова. А я немедленно принялся расспрашивать Попо о том, как он спасся и что знает о белом мальчике.

Он рассказал мне, что, падая с борта корабля, увидел спасательный пояс, брошенный Пекком. Так как Попо хорошо плавает, то доплыл до пояса и надел его. С ужасом заметил он, что корабль продолжает идти вперед, но не пришел в отчаяние, так как через несколько времени увидел, что течение несет его к земле. Он помнил, впрочем, что течение может нанести его и на скалы, в таком случае он разобьется вдребезги. Однако он продолжал надеяться на лучшее и крепко держался за пояс.

Он отвязал ремни круга и уже собирался сбросить его и поплыть к земле, когда увидел на берегу нескольких туземцев и среди них белого мальчика.

Туземцы смотрели на него и не старались ему помочь; мальчик поспешно спустил лодку, лежавшую на берегу, вскочил в нее и, усердно работая веслом, поплыл к Попо. Уверенный в

дружеских чувствах мальчика, Попо скинул пояс, быстро добрался до лодки и вскарабкался в нее. Мальчик сейчас же повернул лодку и благополучно добрался до берега. Туземцы, такие же смуглые, как те, которых он видел раньше, собрались вокруг Попо и с любопытством разглядывали цвет его кожи. Потом они поставили рядом с ним белого мальчика и, смеясь, любовались контрастом между ними, очевидно довольные, что представляют собой середину.

Попо был очень голоден и знаками показывал, что ему хочется спать. Его новый друг быстро вошел в хижину и вернулся с пищей. Дикари не мешали ему. Однако Попо скоро убедился, что хотя он останется жив, но будет таким же невольником, как и белый мальчик.

Дикари повели его в свое селение, состоявшее из маленьких хижин. Женщины приготавливали утреннюю трапезу; после этого некоторые мужчины ушли на охоту на птиц, а другие стали работать на плантации за селением. Белый друг Попо, у которого глаза смыкались от усталости, увел его в хижину, разостлал циновку и знаками показал, чтобы он лег спать. Попо заснул мгновенно.

На следующий день погода была лучше, и многие из туземцев отправились в лодках; вождь племени взял с собой Попо и его друга. Попо увидел, что они занялись ловлей жемчуга. Белый мальчик оказался одним из лучших ловцов. Он бесстрашно бросился с лодки с сеткой и топориком; сетка была привязана к лодке веревкой; когда сетку подымали, она всегда бывала полна жемчужными раковинами. Вождь знаками показал Попо, что он должен делать то же. Попо хорошо плавал, но не умел нырять; белый мальчик научил его, и вскоре он нырял и добывал жемчуг почти так же хорошо, как и его приятель.

С тех пор, что он жил тут, к берегу приставало три корабля с покупателями жемчуга; в таких случаях его и белого мальчика уводили дальше от берега, чтобы они не могли иметь сношений с экипажами кораблей. После каждого посещения покупателей жемчуга туземцы напивались; два первых раза Попо и его друг бежали со страху и спрятались, но им не удалось избежать за это наказания. Попо научился языку своего товарища, отличному от языка туземцев, и они могли разговаривать друг с другом.

Покупатель жемчуга уехал накануне того дня, как мы приплыли к острову, и поэтому все жители селения были пьяны. Старый вождь, придя в себя, обыкновенно бил Попо и его товарища за то, что они не наловили для него жемчуга; поэтому они решили отправиться на лодке самостоятельно и, когда мы увидели их, занимались ловлей жемчуга.

Все время, пока мы разговаривали, мальчик пристально смотрел на меня, как будто стараясь понять, что мы говорим.

- А ты рад, что избавился от дикарей, Попо? – спросил я.
- Рад, масса, – ответил Попо.
- А как ты думаешь, рад твой товарищ? – прибавил я, смотря на мальчика.
- Да, да, – ответил мальчик, взглядывая на меня.
- Да ты, вероятно, англичанин; ты понял, что я сказал, – воскликнул я.
- Я так же думаю, – заметил Попо.

Командир, прислушивавшийся к нашему разговору, велел позвать Тамаку и приказал ему поговорить с белым мальчиком, который, казалось, испугался и не говорил ни слова. Тамаку стал предлагать ему вопросы, на которые он отвечал свободно на том же языке, но с несколько иным произношением.

– Не можешь ли ты узнать, как он попал к туземцам? – спросил командир, когда Тамаку и мальчик замолчали.

– Он мало что знает, – ответил Канака, коверкая английские слова. – Давно с ними – говорит, что они нашли его в лодке на море, привезли сюда и сделали невольником.

– Попробуй узнать его имя, – сказал командир, – Том, Дик, Джек или Гарри.

Только что он назвал последнее имя, мальчик крикнул:

– Гарри, Гарри – это мое имя! – При звуке этого имени он, видимо, пришел в сильное волнение.

– Ну, Гарри, мой мальчик, не можешь ли ты сказать еще что-нибудь по-английски? Вот ты помнишь свое имя; не можешь ли ты рассказать нам про своих отца и мать или про каких-нибудь друзей, – продолжал командир.

– Отца, мать, – повторил мальчик с довольным видом, как будто это были некогда знакомые слова.

– Отлично, мой мальчик, – сказал командир, довольный результатом своего опыта. – Когда ты пробудешь у нас на корабле несколько времени, ты мало-помалу припомнишь и другие слова. – Мы не заедем с визитом к твоим пьяным друзьям.

Трудно сказать, понял ли мальчик слова командира, но его ласковый голос успокоительно подействовал на бедняжку и он казался довольным и счастливым.

У нас оставалось ровно столько времени, чтобы обогнуть остров, и потому командир нигде не велел сходить на берег. К тому же он считал безрассудным идти к туземцам, так как наш отряд был слишком мал, а они могли отнестись к нам враждебно, в особенности если бы увидели, что мы похитили их невольников. Попо и белый мальчик были очень довольны этим решением; последний, очевидно, долюбивал тех, среди кого он прожил так долго.

В продолжение дня мы часто слышали, как мальчик повторял про себя:

– Да, да – Гарри – отец, мать, – как бы наслаждаясь звуком этих давно забытых слов. Мне почти наверно послышалось, что он бормотал про себя какую-то детскую молитву, но слова были неясны.

Он внимательно прислушивался к каждому новому слову и по временам повторял их за нами.

– Я полагаю, что через несколько дней он будет в состоянии рассказать больше о себе, – заметил капитан, – а пока не будем надоедать ему.

Мы вернулись на корабль, когда стемнело. Экипаж горячо приветствовал Попо; Гарри, как стали называть белого мальчика, возбудил большое любопытство; всем хотелось знать, кто он такой и как попал в руки дикарей. Через несколько минут его уже вырядили в рубашку, штаны, куртку, повязали ему на шею галстук, а на голову надели широкополую шляпу. Он не сопротивлялся, когда на него надевали этот костюм, очень шедший к нему. Дик Тилльярд, изображавший лакея, заметил, что, наверно, его наряжали так не впервые.

На следующий день командир сошел на берег с сильно вооруженным отрядом; он взял с собой Тамаку, чтобы добиться каких-нибудь сведений от дикарей, которые, по-видимому, привыкли видеть белых людей. Дикари спрашивали, где их невольники, и требовали их обратно. Тамаку ответил, что один из них принадлежит экипажу судна, а другой желает остаться на корабле, так что их нельзя отдать, но английский командир согласен сделать дикарям какой-нибудь подарок, если ему скажут, как попал к ним белый мальчик. После этого, по словам Тамаку, между ними поднялись долгие разговоры, пока не выступил старый вождь. Он объявил, что готов сказать правду: лет семь тому назад он со своими людьми подплывал в большой лодке к этому острову и встретил английскую лодку, которую несло течением. На ней было несколько человек и маленький мальчик. Взрослые были уже мертвы; а маленького мальчика они взяли к себе и заботились о нем с тех пор.

Тамаку подозревал, что взрослые были убиты; однако не стоило говорить об этом с вождем, так как он, наверно, стал бы отрицать это.

Командир окончил обзор острова и узнал все, что можно было, о мальчике, и мы снова направились к западу.

Глава III

Гарри становится членом нашей компании. – Его быстрые успехи. – На якоре у вулканического острова. – Поездка на лодке вокруг острова. – Погоня за китоловным судном. – Ураган загоняет нас на незнакомый остров. – Повреждение лодки. – Находим кокосовые орехи. – Поиски пищи. – Остров птиц. – Мы устраиваемся на острове птиц на ночлег.

Не стану описывать наше плавание на запад, виденные нами острова, опасности, которых нам удалось избежать, и бури в ложно называемом Тихом океане. Конечно, по временам он бывает тихим, когда наступают продолжительные штили; так, два раза мы жарились под лучами тропического солнца, не испытывая прохлады даже по ночам. Но все мы были здоровы и не хворали цингой благодаря большим запасам лимонного сока и консервов из овощей.

Гарри вскоре стал общим любимцем, он был благодарен за оказанное ему добро, усердно учился и скоро постиг все, что знали другие. Он быстро научился говорить по-английски, или, вернее, припомнил английский язык. По мере того как он стал говорить, воспоминания прошлого приходили ему на ум и он упоминал различные случаи, которые еще более уверили нас в основательности подозрений командира.

Мы с Гарри очень полюбили друг друга, и я часто осторожно наводил его на воспоминания о прошлом. Он помнил свою мать и описывал ее красавицей, какой, вероятно, была миссис Гудсон в свое время; говорил об отце как о великом вожде, начальнике множества людей. Рассказывал и о корабле, на котором он был. Корабль этот был гораздо больше «Героини». Между прочим, Гарри говорил и о пойманной громадной рыбе, рассказывал, как ее разрезали и сжигали. Из всего этого я понял, что судно было китоловное.

Наконец он сказал, что помнит, как его увезли в лодке и после этого он никогда уже не видел корабля. Тут у меня уже не осталось никакого сомнения, что Гарри – давно потерянный ребенок капитана Гудсона и его жены. Он ничего не помнил об избиении экипажа; помнил только, что очутился среди смуглых дикарей, с которыми и остался. Может быть, он был в бессознательном состоянии от голода, когда дикари напали на лодку, и не видел, как они убивали матросов.

Я сейчас же рассказал все командиру; он внимательно допросил Гарри и пришел к тому же заключению. Он сказал Гарри, что его фамилия Гудсон и что он, капитан, употребит все усилия, чтобы возратить мальчика оплакивавшим его родителям. Гарри был очень взволнован и часто говорил мне, как ему хочется видеть мать; он уверял, что сразу узнает ее; думал, что и она узнает его. Я напомнил ему, что мать его сильно постарела с тех пор, как он расстался с ней, что она побледнела от горя и болезней, но что она наверно узнает его и что он должен сделать все, чтобы походить на нас. Тогда мать увидит, что он настоящий английский мальчик.

Командир спросил нас, примем ли мы его в нашу офицерскую каюту, причем прибавил, что мы должны давать ему хороший пример. Мы согласились единогласно, и Гарри Гудсон стал членом нашей компании. Сначала некоторые матросы, и в особенности Дик Тилльярд, были не очень довольны этим. Но когда я передал ему слова командира, он сказал:

– Хорошо, мистер Рэйнер; если вы последуете его совету, то из Гарри выйдет толк; а мы по-прежнему рады помогать ему.

Командир переговорил также и с Гарри, хотя он, в сущности, не нуждался в наставлениях, так как изо всех сил старался во всем подражать нам и говорить правильно по-английски. Мы научили его также читать и писать. Вероятно, он раньше учился азбуке, потому что через неделю уже умел читать несложные слова. Это был очень умный от природы и милый мальчик.

Капитан, очень набожный человек, часто говорил с Гарри о Боге, рассказывал о Сыне Божиим, о том, как Он пострадал за грехи человечества. Так Гарри из язычника, каким был во время жизни у дикарей, стал христианином, и, я думаю, лучшим, чем многие из нас.

Все время мы зорко высматривали парус в надежде встретиться с судном капитана Гудсона по мере того, как подвигались к западу. Чилийских пиратов мы не боялись, так как они, по всем вероятностям, должны были заниматься похищением туземцев на островах восточной части Тихого океана.

Мы приближались к группе островов, обитаемых чернокожими; между прочим, мы останавливались у островов Самоа, или Мореплавателей, смуглые жители которых оказались гораздо цивилизованнее, чем мы думали.

Мы продолжали плыть к западу; вдруг мы увидели перед собой маленький остров. Капитан полагал, что это самый северный из вулканических островов, тянущихся от группы островов Дружбы.

Так как этот остров не был помечен на карте, то капитан решил исследовать его. Приблизившись, мы увидели, что остров состоял из ряда конических вершин; многие горы поднимались прямо из воды; другие, отлогие, спускались к морю. На острове были также глубокие бухты. В окружавшем остров коралловом рифе были видны два прохода, в которые, казалось, нетрудно было провести корабль, чтобы стать на якорь в бухте. Мы вошли в проход шириной около одной восьмой мили, все время остерегаясь подводных рифов и бросая лот.

Ветер был слабый, и мы только к вечеру стали на якорь. В наступившей темноте нашим взглядам открылось великолепное зрелище: перед нами был вулкан, из которого вылетала масса пламени; горячая лава текла широкими потоками по сторонам горы; часть ее направлялась к бухте, в которой стоял наш корабль; другая терялась, по-видимому, в пропасти по другую сторону горы. По временам слышались глухие звуки, похожие на частые залпы из пушек или на раскаты грома; вахтенные уверяли, что корабль качался, словно от землетрясения. Ветер переменялся и наносил массу пепла на палубу. Однако командир не считал наше положение опасным, и мы остались спокойно стоять на якорь.

На следующее утро командир и штурман собрались осматривать остров. Медж спросил, не желаю ли я прогуляться по берегу. Конечно, я согласился. Том и Гарри просили взять их с собой, и Медж получил разрешение взять четверку. Тилльярд, Тамаку и Попо должны были помогать нам грести. Мы забрали провизии на день, положили в четверку четыре ружья и кортики, хотя остров и казался необитаемым. Но мы думали, что нам может попасться какая-нибудь дичь, и рассчитывали пристать к берегу и изжарить ее.

Мы весело отплыли от корабля. Вскоре поднялся ветер; мы поставили паруса и быстро поплыли к берегу. Мы с Меджем отмечали в своих записных книжках косы и проливы.

Только что мы дошли до конца острова и обогнули его, как я увидел в открытом море какое-то судно и показал его Меджу. Он взглянул в подзорную трубу.

– Оно застигнуто штилем, – заметил он. – Взгляните хорошенько, Рэйнер, и скажите, что это за судно; только говорите тихо, потому что Гарри не должен слышать нас.

Я взял подзорную трубу; хотя судно было видно на горизонте, я не сомневался, что оно китобойное.

– По виду его парусов я не удивлюсь, если оно окажется «Хопуэлль», – сказал Медж. – Я уверен, что командир пожелал бы, чтобы мы попробовали поговорить с капитаном и вернуть родителям бедного мальчика; если даже стемнеет, то вулкан укажет нам обратный путь.

Конечно, я согласился на предложение Меджа. Но мы решили ничего не говорить Гарри, чтобы не разочаровать его в случае неудачи.

– Мы хотим подойти вон к тому судну, – громко проговорил Медж. – Как раз перед нами есть проход между рифами и нам нетрудно будет дойти до него.

– Приказания следует исполнять, – заметил Тилльярд. – Не видал, чтобы выходил прок из неисполнения приказаний.

Медж не слышал его слов; а я не повторил их, думая об удовольствии, которое предстояло нам, если удастся вернуть Гарри родителям.

Так как с земли подул ветерок, мы поставили парус, чтобы воспользоваться им. У нас был только один страх: как бы незнакомое судно также не воспользовалось ветром и не ушло от нас. Поэтому мы стали грести для ускорения хода. Мы гребли усердно, но мне казалось, что мы нисколько не приближаемся к судну. По лицу Гарри я видел, что он испытывал то же нетерпение, что и мы, и невольно подумал, что он подозревает причину нашего волнения. Наконец он пристально посмотрел на меня и спросил:

– Вы думаете, что это судно моего отца?

– У нас есть некоторая надежда, Гарри; но мы можем ошибаться, – сказал Медж, – поэтому не надейся слишком много; но во всяком случае мы употребим все усилия, чтобы догнать судно.

Вскоре я увидел в подзорную трубу, что паруса судна надулись и что ветер дул не с той стороны, как у нас.

– Мы еще можем догнать его, если пойдем несколько западнее, – заметил Медж, изменяя курс четверки.

Мы пошли быстрее под ветром, и наша лодка весело бежала по волнам, которые становились больше по мере того, как мы удалялись от подветренной стороны. Ни Медж, ни я в увлечении не замечали этого и все время смотрели на судно впереди нас. Внезапно восклицание Тилльярда заставило меня взглянуть на берег, над которым висела густая черная туча. Вскоре до нас донесся громкий шум, похожий на непрерывные раскаты грома, смешанного с потоками дождя. То был голос урагана. Тилльярд вскочил и, не дожидаясь приказа Меджа, спустил парус наполовину.

– Держите нос по ветру, мистер Медж! – крикнул он. – Это единственная возможность спастись.

Медж последовал его совету, и через минуту мы переменили курс.

Мы летели по бушующему океану; гребни валов разбивались о корму; все были заняты вычерпыванием воды. Я искал глазами судно, но нигде не видел его; масса пены смешивалась с пылью и пеплом, вылетающими из вулкана, и затемняла все предметы вдаль. Вскоре и земля скрылась из наших глаз. Мы чувствовали всю опасность нашего положения: если море разбухнет еще сильнее, оно поглотит нас; если же буря продолжится и мы останемся живы, то будем унесены далеко от острова. Может быть, нам встретятся другие острова, но они, наверно, окружены рифами, о которые может разбиться наша лодка.

Наступившая ночь принесла новые ужасы. Мы продолжали нестись вперед. Медж сидел на руле и правил, как может править только хороший моряк. Тилльярд предложил сменить его.

– Нет, – ответил он, – я завлек вас в эту беду, и я должен спасти вас, если это возможно. Ураган окончится же когда-нибудь, может быть, перед рассветом, – и тогда нам надо будет сделать все, чтобы вернуться на остров.

Несмотря на угрожавшую нам опасность, мы чувствовали сильный голод; мы только что собрались выйти на берег и приготовить обед, когда увидели судно и забыли об еде. Я вынул из корзины несколько сухарей и роздал их; потом нашел бутылку вина.

– Нужно быть экономными, – заметил Медж, – давайте не больше полстакана; мы вернемся к себе, быть может, позже, чем вы думаете.

Пища несколько подняла наше настроение: Гарри был удивительно хладнокровен и спокоен; у Томми Пекка слегка стучали зубы; Попо и Тамаку не произносили ни слова. Буря не думала утихать, и мы продолжали лететь во тьме. Мы знали, что каждую минуту наша лодка может налететь на риф и разбиться вдребезги; но риск был неизбежен.

Я спросил Меджа, не знает ли он, который час.

– Слишком темно, чтобы разглядеть стрелки, но я думаю, что теперь позже полуночи, – ответил он.

Я застонал, так как был до этого уверен, что скоро рассветет.

– Бог хранил нас до сих пор и сохранит, если найдет нужным, и до утра, – заметил Тилльярд. – Не нужно падать духом, как бы плохо дело ни было.

Наконец стало рассветать. Ветер дул все так же сильно, и земли не было видно; нас окружали только бурные, покрытые пеной волны, по которым летела наша лодка.

– Терпение, ребята, – сказал Медж, – нам остается идти, как мы шли до сих пор, и благодарить Бога, что мы не погибли; лучше не встретить земли, чем налететь на коралловый риф.

Через несколько времени я спросил, можно ли нам поесть. Медж отвечал утвердительно, но сказал, чтобы я раздавал осмотрительно.

Мы скромно закусили и легли отдохнуть. Тилльярду наконец удалось уговорить Меджа передать ему руль. Медж наказал, чтобы его разбудили через два часа или в случае какой-либо перемены, и сейчас же уснул.

Тилльярд велел Тамаку стоять на вахте, а нам, младшим, ложиться спать. Прежде чем уснуть, я посмотрел во все стороны в надежде увидеть судно, но нигде не было видно паруса. Погода прояснилась, но ветер продолжал дуть с прежней силой. Через два часа Медж встал, Тилльярд лег спать, а я занял место Тамаку на носу.

Так мы неслись большую часть дня, все надеясь, что ветер спадет. Поздно после полудня мне показалось, что я вижу землю. Медж подтвердил мое предложение. Прямо перед нами был островок.

– Надо найти проход среди рифов, – сказал Медж. – Если не найдем, постараемся найти гавань или направить лодку на песчаный берег. Конечно, можем налететь на коралловый риф и разбиться в щепки; то же может случиться, если наткнемся на скалистый берег. Будем надеяться на Провидение и не думать о беде, пока она не случится.

– Мы ко всему готовы, мистер Медж, – сказал Тилльярд, – и знаем, что вы сделаете все, что только можно.

Приятно было бы зайти в уютную гавань, но я невольно желал, чтобы земля была подальше. Мы летели к ней с ужасающей быстротой, и я знал, что наша судьба будет решена через несколько минут.

Медж встал и взглянул вперед.

– Волны сильно разбиваются о рифы, – сказал он, – но между землей и рифом есть тихая лагуна. Если мы ударимся о риф, наша лодка разобьется, но волны могут выкинуть нас в лагуну, и кто умеет плавать, может добраться до берега, – спокойно проговорил он.

Он замолчал, и никто не произнес ни слова.

– Ребята, – вдруг крикнул он, – я вижу проход – очень узкий, но мы можем пройти, если попадем в центр; держите весла наготове и поднимите парус, когда скажу.

– Подымите парус, – вскоре закричал он, – а вы налягте изо всех сил на весла.

Мы понеслись; с обеих сторон подымались покрытые пеной валы; вода хлестала в лодку и наполовину наполнила ее, но мы продолжали лететь. Я, как, вероятно, и многие из нас, затаил дыхание; Медж продолжал держать руль твердой рукой, и на лице его не было видно и тени смятения. Новый вал ударил в лодку с другой стороны; в следующее мгновение раздался треск – лодка дрогнула от носа до кормы: мы налетели на риф. Раздались крики – мы думали, что лодка тонет. С шумом налетел другой вал, обдав нас водой и унося все, что не было прикреплено; мы крепко держались за борт и скамейки. Я чувствовал, что лодку несет все дальше и дальше.

– Налегайте сильнее, братцы! – кричал Медж.

Увы, оставалось только два весла. Тилльярд, Гарри и я гребли изо всех сил; прежде чем мы успели опомниться, лодка влетела на внутренний берег лагуны. Как мы попали туда, мы не понимали, знали только, что Бог спас нас. Мы выскочили из нашей разбитой лодки и старались втащить ее так, чтобы ее не могли унести волны; последующие валы не были такой величины, как тот, который вынес нас на берег. Измученные тревогой, бессонницей, мы бросились на песок.

Уже темнело, и мы слишком устали, чтобы искать другого места для отдыха. Однако голод вскоре напомнил нам, что мы не ели уже несколько часов. Мы были уверены, что найдем пищу в изобилии, и потому решили хорошенько поужинать. Тилльярд и Тамаку пошли за провизией, спрятанной в ящике на лодке.

Прошло несколько времени, они не возвращались.

– Ну что же, братцы, скоро ли вы принесете нам поесть? – спросил Медж.

– Не можем найти, сэр, – послышался неприятный ответ. – Должно быть, ящик смыло волной.

Сомнения не было. К счастью, бочонок с водой уцелел, так что мы могли утолить жажду; но ложиться спать приходилось в мокрой одежде и без ужина. Томми, которому пришлось очень плохо, как, впрочем, и всем нам, начал ворчать и жаловаться на жестокость судьбы.

– Вот что, братцы, – сказал Медж, – мы должны от всего сердца благодарить Господа, что Он спас нас; никогда в жизни мне не приходилось видеть такого бурного моря. Соединим наши голоса в хвале Источнику милостей.

Мы от всей души присоединились к молитве, которую прочел Медж, и пропели псалом, а потом легли на берегу в надежде найти утром какую-нибудь пищу. А может быть, найдутся и жители острова, которые гостеприимно отнесутся к нам.

Меня разбудили лучи солнца, поднимавшиеся из океана. Гарри и Том уже встали; остальные спали, отвернувшись от яркого светила. Все кругом имело более привлекательный вид, чем накануне вечером. Берег был окаймлен многочисленными деревьями – кокосовыми с грациозными перистыми верхушками, широколистными банановыми, красивыми панданусами с белыми блестящими листьями, тузовыми. Голод, однако, заставил нас подумать, как бы поскорее добыть кокосовых орехов, висевших на деревьях. Мы встали и, не желая будить товарищей, дошли до менее высоких деревьев. Гарри сказал, что он ловко может взобраться туда.

– Чем скорее влезешь, тем лучше, – крикнул Том. – Если я скоро не поем чего-нибудь основательного, то превращусь в овцу и стану жевать траву и листья.

– Другие животные, кроме овцы, едят траву и листья, – невольно заметил я. – Смотри не превратись в одно из них.

Томми рассердился, что очень удивило Гарри, который не понял моего намека, так как никогда не видел ни овцы, ни осла.

– Не ссорьтесь, – сказал он, – я скоро достану вам орехов, и Том может съесть хоть целый, если захочет. – Он снял сапоги и носки и начал карабкаться на дерево так ловко, как никогда не смогли бы это сделать Томми и я.

Мы с жадностью смотрели на него. Я подбежал к дереву, чтобы ловить орехи.

– Отойди в сторону, а то я могу разбить тебе голову, – крикнул Гарри.

Он скоро долез до верхушки дерева, сорвал два больших пучка плодов и спустился на землю.

– Они могли разбиться, и тогда у нас не было бы молока, – заметил он.

Пока мы старались разбить орехи, Гарри сбегал на берег и принес острый кусочек коралла, с помощью которого проделал дырку в одном из кокосовых орехов.

– Вот, выпей, – сказал он, протягивая мне орех. – Это будет полезно тебе.

Какое вкусное молоко! Напившись, я отдал орех Томми, а между тем Гарри открыл другой орех. Мы настояли, чтобы он первый напился из него. Третьего хватило на всех нас. Потом

мы открыли и внутреннюю скорлупу; содержимого хватило нам всем на завтрак. Остальное мы отнесли нашим товарищам, которые очень обрадовались, когда проснулись и нашли готовый завтрак.

Ураган прошел, и море ярко сверкало в лучах солнца. Мы спросили Меджа, думает ли он скоро вернуться на остров, где стоял наш корвет.

– Многое против этого, – ответил он. – Во-первых, нужно исправить лодку, а, я думаю, это будет нелегкая штука; затем, у нас только два весла, нет ни пищи, ни воды; если подымется ветер, то нам понадобится три-четыре дня, чтобы пройти тот путь, что мы прошли в сутки. Поэтому прежде чем отправиться, нам нужно починить лодку, сделать по крайней мере две пары весел и запастись провизией и водой. Нельзя удовольствоваться только кокосовыми орехами; надо добыть рыбы или дичи, а на это уйдет день-другой. Потом нужно подумать, следует ли искать корвет на старом месте; может быть, он вышел из гавани и ищет нас. Судя по виду той местности, мы не найдем там пищи, и если не найдем там нашего судна, то попадем в еще худшую беду, чем здесь.

Остальные согласились с мнением Меджа; мы пошли на берег и внимательно осмотрели лодку. Пострадала обшивка на правой стороне и часть носа. Удивительно, как она могла еще дойти до берега. Может быть, потому, что мы с Гарри бессознательно поставили ноги на доски и помешали воде хлынуть в лодку, а Том на носу навалился на спущенный парус, с отчаянием цепляясь за переднюю скамейку.

Без гвоздей, без каких-либо инструментов, кроме складных ножей, мы вряд ли могли поправить лодку настолько, чтобы она могла выдержать путешествие, которое предстояло нам сделать, чтобы добраться до корвета. Мы в недоумении смотрели друг на друга.

– Безопаснее всего было бы остаться здесь в надежде, что корвет заглянет со временем сюда, ища нас, – сказал Медж. – Они знают, что если мы спаслись, то должны быть принесены в этом направлении; и я не думаю, чтобы наш командир покинул нас, пока не произведет поисков во всех направлениях. Если же почему-либо «Героиня» не появится, можно надеяться, что мимо пройдет какое-нибудь китобойное или другое судно и увидит наши сигналы. Надо сторожить с обеих сторон острова; может быть, мы будем счастливы здесь, но все же не следует превращаться в робинзонов.

– Ну, это приятнее, чем стоять на карауле, – заметил Том.

– Нужно подумать и о друзьях на родине, – сказал я. – Они будут оплакивать нас, если до Англии дойдет известие о нашем исчезновении. К тому же мне хочется дать знать капитану Гудсону и его жене, что мы нашли их сына.

– Верно, Годфрей, – сказал Медж. – Рад видеть, что ты заботишься о других, и не думаю, чтобы Том желал причинить горе своей семье, которая, полагаю, тревожится о нем более, чем он воображает.

– Я не подумал о них, – сказал Том. – Будьте спокойны: если я увижу парус, то уж сделаю все, чтобы дать знать о нашем пребывании здесь.

Итак, мысль о немедленном отправлении была отложена, и мы решили прежде всего исследовать остров и посмотреть, какую пищу можно найти тут. Мы не сомневались, что найдем другие плоды, кроме кокосовых орехов, добудем, может быть, устриц или других моллюсков, а может быть, и рыбу, хотя для этого надо было приготовить крючки, лесу или сети.

Пока Медж, Том и я обсуждали эти вопросы, Тилльярд продолжал осматривать лодку.

– Я думаю, мистер Медж, если бы нам удалось достать маленьких гвоздей, мы могли бы заткнуть пробоины парусиной и починить лодку так, что она могла бы выйти в море, – сказал он.

– Самое трудное это «если бы», – сказал Медж. – Откуда мы возьмем гвоздей?

– Из рукояток наших складных ножей, – ответил Дик. – Я немного кузнец и думаю, что, если бы мне удалось сделать меха, я скоро соорудил бы кузницу и выковал бы несколько дюжин гвоздей.

– Еще «если бы», – заметил Медж.

– Да, сэр; но это можно устроить, если мне удастся поймать тюленя или какое-нибудь иное толстокожее животное.

– Опять «если», – сказал Медж.

– Ну, сэр, может быть, я обойдусь и без кожи. Попробую употребить в дело кусок парусины; сделаю его непроницаемым для воздуха с помощью жира, или воска, или чего-нибудь в этом роде. Не обещаю, что это удастся мне, но употреблю все усилия.

– Это все, чего мы можем ожидать от вас, – сказал Медж.

Предложение Тилльярда возбудило в нас некоторую надежду. Прежде всего нам нужно было отправиться на поиски пищи и воды, хотя кокосовое молоко утоляло нашу жажду. Каждый из нас сделал себе по длинной остроконечной палке; палка эта, конечно, не могла принести нам пользы в случае встречи с враждебными туземцами, но мы могли убить ей зверей, которые попались бы на дороге; она могла помочь нам переходить трудные места и пробиваться сквозь заросли.

Мы отправились в путь, оставив Тилльярда приглядывать за лодкой и делать приготовления к починке ее. Медж пошел впереди, за ним Том, Гарри и я; Тамаку и Попо заключали шествие. Мы шли по морскому берегу. Дорога была довольно легкая. Пройдя несколько к югу, мы добрались до местности, по-видимому, еще недавно залитой водой и, по всей вероятности, поднявшейся над поверхностью моря благодаря какому-нибудь колебанию почвы. Несколько кокосовых деревьев и панданусов росли тут, а также редкая трава.

Мы хотели продолжать наш путь по морскому берегу; вдруг я заметил множество птиц, летавших над этим местом. Мы прошли по ровному месту, очевидно, заливаемому водой во время прилива, и дошли до возвышенности, которая должна была представлять собой остров в часы прилива. Бесчисленное количество птиц избрало ее своим местопребыванием. Наше появление несколько не потревожило их; сидевшие на яйцах птицы только вытянули шеи и издали хриплые звуки, совершенно оглушившие нас.

Эти птицы были вполне ручные, так что нам пришлось стаскивать их, чтобы добраться до яиц. Тут были различные породы красных тропических птиц. Некоторые птицы клали свои яйца прямо на землю. У других гнезда были устроены из прутьев на деревьях.

Мы сразу набили карманы яйцами, выбрав самые свежие. Настреляли мы также столько птиц, сколько нам требовалось на обед и ужин. Все это подняло наше настроение.

При нашем возвращении вдоль морского берега мы видели много больших крабов. Один из них поймал змею и нес ее; она извивалась в его клещах; внезапно налетевшая птица-фрегат унесла и краба, и змею. Целые армии раков-отшельников двигались в поисках добычи или более удобных жилищ. Насколько можно судить, змеи, попадавшиеся здесь, были не ядовитые; но мы все же решили избегать их.

Приходилось торопиться, чтобы прилив не отрезал нам удобный путь.

Когда мы добрались до бухты, то узнали, что Тилльярд сделал кое-что для изготовления кузницы.

– Если мне удастся пустить в ход меха, то у нас скоро будет много гвоздей. Но надо иметь терпение, сэр, – засмеялся он Меджу. – Терпение и труд все перетрут.

Никто этого не оспаривал. Всем очень хотелось сварить яйца и изжарить птиц; я спросил, как мы разведем огонь. Оказалось, что об этом важном вопросе и не подумали. Все стали шарить в карманах, не найдется ли огнива, но ничего не нашли. Тогда мы обратились к жителю Сандвичевых островов. Он сказал, что можно добыть огонь, потеряв друг о друга два кусочка

дерева, если только найдется нужный сорт дерева. Но для этого нужно время, а мы были слишком голодны и потому пообедали сырыми яйцами и десертом из кокосовых орехов в молоке.

После обеда Тамаку отправился за деревом, а мы собрали листья и выстроили шалаши из ветвей, чтобы укрыться на ночь. Было почти совсем темно, когда Тамаку вернулся с находкой, но мы так устали и так хотели спать, что предпочли лечь, не дожидаясь, чтобы он развел огонь.

Глава IV

На острове. – Устрицы на деревьях. – Счастливое избавление Гарри от акулы. – Наш первый завтрак. – Кузница Тилльярда. – Путешествие по острову. – Мы изготавливаем гвозди и крючки. – Находим лодку. – Удачная рыбная ловля. – Возвращение наших друзей. – Спуск лодки. – Дик и я отправляемся в плавание вокруг острова. – Болезнь Дика. – Моя тревога. – Унесены от берега.

На следующее утро мы проснулись на рассвете, несмотря на то что постели наши были довольно удобны, а одежда суха. Хотя кокосовое молоко освежило нас, мы все же испытывали сильную жажду, и Медж решил идти на поиски источника, взяв с собой Попо, который нес бочонок. Тамаку уселся готовить бруски для разведения огня; Тилльярд хлопотал над устройством кузницы, а Гарри, Том и я пошли по берегу поискать моллюсков и принести новый запас кокосовых орехов.

Мы скоро дошли до узкой бухты, вдававшейся в сушу. По берегам ее густо росли деревья, корни которых омывались водой, а ветви спускались в воду. Вблизи мы увидели кокосовое дерево, на котором росло много плодов. Гарри сразу вызвался влезть на верхушку. Вдруг Том крикнул:

– Эй, здесь на ветвях растут устрицы!

Я подбежал к нему: действительно, все суки дерева, доходившие до поверхности воды, были унизаны большими устрицами. Мы набрали тех, которые были ближе. Я заглянул на дно и увидел, что камни были густо покрыты этими питательными моллюсками. Таким образом, у нас оказывался неистощимый запас пищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.